

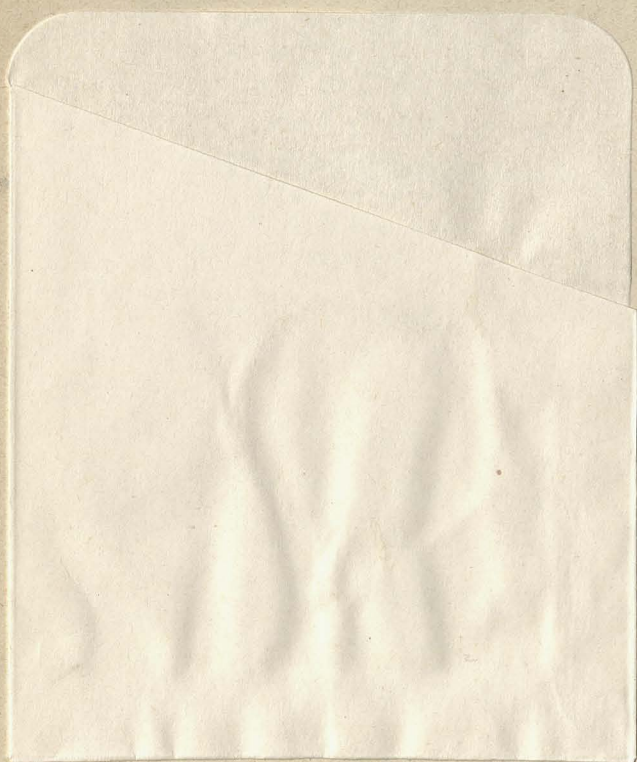
C 26
578

С 26
578

Лидія Арманда.

МЯЛЕНЬКІЯ
СКАЗОЧКИ

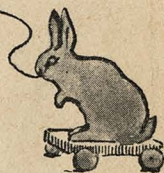
С 26 [4вкл]
578

Лидія Арманда

МАЛЕНЬКІЯ СКАЗОЧКИ

МОСКОВСКИЙ ПУБЛИЧНЫЙ
ХИ-40010
И РУМЯНЦОВСКИЙ МУЗЕЙ

Изданіе Т^{ва} И. Д. СЫТИНА.

Типографія Т-ва И. Д. СЫТИНА. Пятницкая ул., с. д.
Москва.— 1913.

ЭТИ СКАЗКИ ДЛЯ ТЕБЯ,
МОЙ СЫНОЧЕКЪ.

Лидия Фрейман

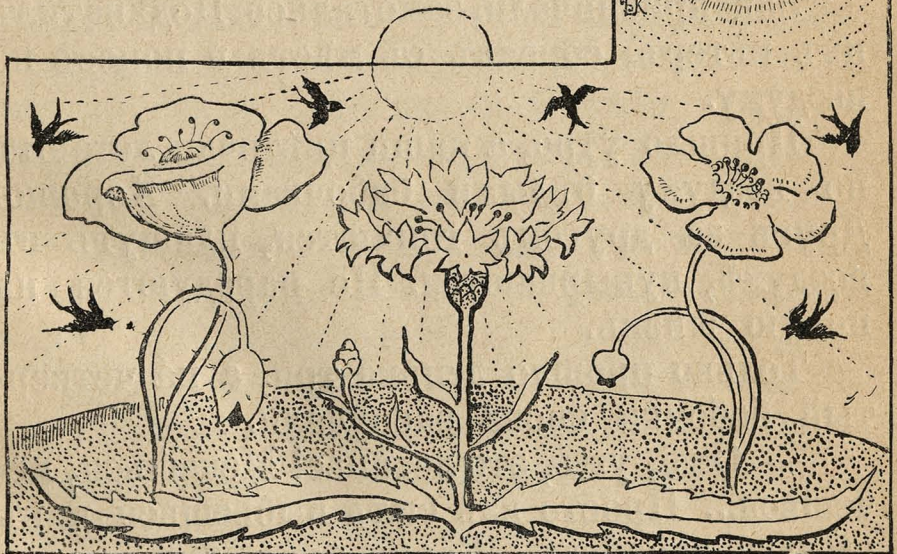
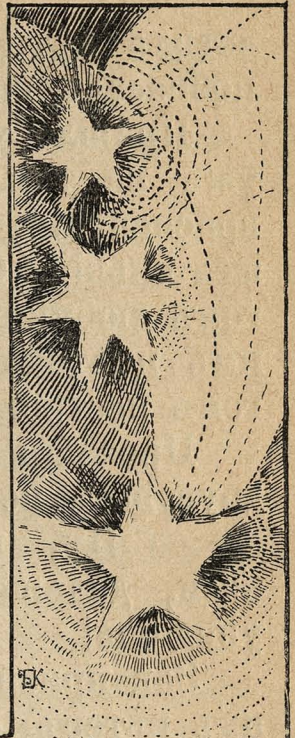

Три звѣздочки.

Свѣтили на небѣ три звѣздочки. Свѣтили, свѣтили, да и заскучали.

— Что это, право! Вишишь тутъ въ вышинѣ, отъ земли далеко, ничего не видать. Это, наконецъ, несносно.

Замигали звѣздочки, собираются плакать. Тутъ на-

летѣлъ вѣтеръ, сорвалъ ихъ съ мѣстъ и побросалъ на землю.

Пришло утро, а звѣздочки наши стоятъ ужъ на землѣ тремя цвѣточками: одинъ красненькій, другой — синенькій, третій — желтенькій. Стоятъ, качаются, другъ другомъ любятъ, весело болтаютъ. Нравится имъ цвѣточное житье: свѣтло, тепло, кругомъ пестро. Отлично!

Прожили цвѣточки такъ и недѣльку, другую, а потомъ начали скучать.

— Ну, вотъ! Торчи тутъ на привязи, дальше своей лужайки ничего не увидишь!

Закапризничали, замотались. Подхватилъ ихъ вѣтеръ, сорвалъ съ мѣстъ и понесъ по воздуху.

Пришло утро, а наши цвѣточки летаютъ по воздуху бѣлыми бабочками. Хорошо! Другъ за другомъ гоняются, пляшутъ въ воздухѣ, кувиркаются. Не нарадуются на новую жизнь.

Только прошло денька три, а на четвертый бабочки снова заскучали.

— Охъ, ужъ, это летанье! Мечешься, мечешься... Просто изъ силъ выбьешься и въ глазахъ зарябитъ. Жарко такъ. Фу!

Загоревали бабочки, сложили крылышки и попадали на землю. А вѣтерокъ тутъ какъ тутъ. Закружилъ ихъ по землѣ, обвѣялъ, остудилъ.

Пришло утро, а бабочки лежатъ на землѣ снѣжинками, прохладныя, спокойныя, пушистыя—лежатъ и дремлютъ. Долго онѣ отдыхали такъ межъ другихъ снѣжинокъ. Въ концѣ - концовъ отдохнули, проснулись и стали на скуку жаловаться.

— Что-то холодно и лежать невесело; бѣлый, снѣжный цвѣтъ такъ надоѣлъ! Нѣтъ, опять неладно. Ахъ, мы, неудачныя...

И заплакали, горемычныя, потекли какъ слезки. Вѣтеръ ихъ сердито къ морю погналъ.

Пришло утро, а наши снѣжинки стали ужъ морскими капельками. Свѣжія онѣ, какъ снѣжинки; носятся на волнахъ, какъ бабочки вольныя, наряжаетъ ихъ солнышко въ разные цвѣта, какъ пестрые луговые цвѣточки, и блестятъ онѣ, свѣтятся, какъ любимыя наши, далекія звѣздочки.

Тутъ увидѣли, безпокойныя, что сбылись всѣ ихъ желанія. Имъ съ этихъ поръ скучать не приходилось. Капельками навсегда и остались.

Голенькій ребеночекъ.

Въ одной долинь, среди горъ жилъ маленькій ребеночекъ. Тамъ каждый день свѣтило золотое солнышко и было очень тепло.

Но разъ ребеночекъ проснулся отъ холода и увидѣлъ, что солнышко закрыто тучами. Что ему дѣлать? Онъ попробовалъ бѣгать и прыгать, чтобы согрѣться, но безъ солнца было скучно и совсѣмъ не хотѣлось возиться.

Сталъ онъ карабкаться на горы; все еще холодно. Вдругъ видить—плыветъ мимо по горѣ облачко, такое славное, бѣлое, пушистое. Онъ ему и закричалъ:

— Облачко, облачко! Можно, я въ тебя залѣзу погрѣться?

— Ладно,—говорить облачко,—полѣзай.
Забрался ребеночекъ въ самую его серединку. Хорошо тамъ: тепло, мягко, уютно. И несетъ его облачко все впередъ, все выше.

Какъ - то высунуль онъ носикъ — поглядѣть, что за мѣста, и видитъ—они на вершинѣ горы. Солнце ярко свѣтитъ (тучи то ниже остались), кругомъ лежитъ снѣгъ и блеститъ - переливается лучше серебра и золота. Захотѣлось тутъ ребеночку поиграть и отпросился онъ у облачка на полчасака.

Выскочилъ, запрыгаль, завертѣлся на твердомъ снѣгу. Ножкамъ его холодно, тѣльцу тепло, ротуку смѣшно, а сердечку весело. Успѣлъ онъ наскоро бабу слѣпить и сталъ кидаться снѣжками. Да на бѣду вздумалось ему запустить снѣжкомъ въ свое облачко. А оно-то обидѣлось.

— Хорошо же,—говорить,—если ты такъ, то я улечу безъ тебя.

И вправду, тронулось съ мѣста.

Испугался ребеночекъ, бѣжитъ сзади, за пушинки его хватается, просить:

— Не сердись, я не буду, больше никогда не буду! Подожди, возьми меня съ собой!

Простило облачко, остановилось, и ребеночекъ опять въ немъ устроился. Свернулся онъ тамъ колачикомъ, да и задремалъ въ полутьмѣ.

А облачко перелетѣло черезъ горы, попало въ холодныя страны, устало, отяжелѣло и стало разсыпаться капля по каплѣ.

Ребеночекъ все спитъ и спитъ. Упали послѣднія капли, а съ ними

свалился и ребеночекъ. Упалъ онъ на мягкій мохъ, не очень ушибся, но сильно испугался и закричалъ благимъ матомъ.

Жила тамъ поблизости дикая козочка съ двумя козлятками. Она услышала, что кричитъ кто-то маленькій, и пошла посмотреть.

Глядитъ, голенькій ребеночекъ лежитъ и плачетъ-заливается. Пожалѣла его козочка, умыла своимъ языкомъ, обогрѣла своимъ дыханіемъ и напоила молокомъ.

Ребеночекъ повеселѣлъ, обнялъ ее, поцѣловалъ и сталъ играть съ козлятками. Они всѣ другъ друга полюбили, и ребеночекъ остался съ ними жить. Онъ называлъ козочку «мама», а козлятки звали ее «мэмэ».

Два вѣтра.

Разгулялся, разыгрался на горахъ холодный вѣтеръ: сверху внизъ скатывается, снизу вверхъ взвивается, черезъ пропасти перепрыгиваетъ, камнями швыряется. Разошелся во всю и пустился съ разбѣгу въ долину. Летить и гудить:

— Берегись, застужу-у-у!

А братъ его, теплый вѣтеръ, купался въ это время въ морѣ. Тоже очень расша-

лился: кружится, ныряетъ, плещется - брызжется до самыхъ тучъ; а какъ шипитъ, какъ фыркаетъ—пожалуй, и на небѣ слышно. Дошелъ до него голосъ удалого брата, и онъ полетѣлъ ему навстрѣчу, а самъ гудитъ:

— Береги-ись, замочу-у-у!

Сшиблись братья посреди долины, налетѣли другъ на друга и оба разозлились.

— Ты чего лѣзешь?

— Ничего, самъ ты наскочилъ!

— Только что я тучи прогналъ, а ты ихъ снова тащишь!

— Что жъ, прогони ихъ назадъ, коли силы хватить...

И ну возиться! Тащатъ тучи въ разныя стороны, кидаются ими, какъ мячиками. Интересно показалось, смѣются.

Сначала ихъ возня луну забавляла. Нѣтъ-нѣтъ, она и выглянетъ изъ тучи, посмотритъ отъ нечего дѣлать. Да потомъ надоѣло.

— А ну васъ,—говоритъ,—озорники! Съ вами проку не жди,—и спряталась совсѣмъ.

Наконецъ одна туча потеряла терпѣніе и стала жаловаться ихъ матери (той, про которую въ пѣснѣ поется: «вѣтра спрашивала мать»):

— Матушка, уйми ты ради Бога своихъ сорванцовъ, погляди, что они съ нами дѣлають: растрепали, раскосматили, даже стыдъ беретъ. И покою-то ни минуты нѣтъ, и дѣлато не сдѣлаешь: вѣдь мѣшаютъ дождикомъ пролиться. Совсѣмъ измаяли, несносные!

Вышла старуха на перекрестокъ—и ну сынковъ унимать.

— Полно, дѣтушки! побаловались и довольно. Непутевыя вѣдь ваши забавы-то. Не быть бы худу.

Да куда—не слушаютъ! Вьются вокругъ старушки, смѣются, посвистываютъ, за передникъ, за платокъ ее подергиваютъ. Вздохнула бѣдная:

— Охъ, и бѣда же мнѣ съ вами, дѣтушки. Помянете мое слово, да поздно будетъ.

Ушла. А только, какъ она говорила, такъ и вышло.

Приволокъ теплый вѣтеръ громадную тучу съ моря. А холодный вѣтеръ какъ налетитъ на нее бокомъ, да со всего маху—баць! А въ тучѣ-то, оказывается, дядя Громъ сидѣлъ. Разсердился онъ: громыхаетъ оттуда глухо такъ.

— Это что еще за новости? Я не позволю съ собой шутки шутить!

А вѣтры-то и начни хохотать:

— Ха-ха-ха, ха-ха-ха!

— Разворчался, старый, какъ котъ на печкѣ! Ну, ужъ и взбѣсился же дядя Громъ!

— Ахъ, такъ вы такъ! — кричить. — Ну, такъ держитесь!

Схватилъ онъ пучокъ самыхъ большихъ своихъ молній да какъ начнетъ вѣтришекъ ими хлестать! Какъ завизжали они... заметались... Во всѣ окна, въ двери рвутся, да люди не пускаютъ. А дядя Громъ еще, еще... Одинъ братъ за дерево схватился, вокругъ него вертится, реветъ; да развѣ отъ молніи спрячешься? Другой воетъ да по землѣ катается. Наконецъ усталъ сердитый дядя Громъ, бросилъ молніи, вытеръ потъ.

— Ладно ужъ, — бурчить, — хватить съ васъ на этотъ разъ. Ступайте домой, да чтобъ безъ шалостей!

Тутъ вѣтришки наши бѣгомъ! Да смиренхонько... только листики на кустахъ подрагиваютъ и трава шелеститъ. Прибѣжали къ матери. Она хотѣла было ихъ забранить, да какъ взглянула, — видитъ, что имъ и такъ досталось, ничего ужъ не стала

говорить. Обсушила ихъ у огня, напоила чаемъ и спать уложила.

А между тѣмъ встало солнышко. Выглянуло,—батюшки, какой беспорядокъ! Обрывки тучъ по небу раскиданы, деревья включенныя стоятъ, на землѣ лужи. Скорѣй взяло солнышко метлу, чисто вымело все на небѣ; потомъ гребешкомъ деревья расчесало; тряпкой большой-пребольшой лужи вытерло насухо. Все стало чистое, блестящее. Улыбается солнышко.

— Ну, вотъ,—говорить,—теперь и людямъ вставать можно.

Въ прятки.

Позднимъ вечеромъ шла разъ по дорогѣ маленькая дѣвочка. Кругомъ никого не было. Стемнѣло ужъ совсѣмъ, такъ что дѣвочкѣ было скучно. На бѣду она не захватила съ собою никакой игрушки. Идетъ и напѣваетъ:

— Мнѣ скучно, мнѣ скучно.

Вдругъ слышитъ, кто-то говоритъ жиденькимъ такимъ голоскомъ:

— Да, признаться, скучища порядочная.

Это что за голосъ? Дѣвочка смотритъ впередъ и назадъ, направо, налево оборачивается, никого нѣтъ!

— Кто это сказалъ «скучища порядочная»? — спрашиваетъ дѣвочка.

А жиденъкій
голосокъ отвѣ-
чаетъ сверху:

— Это я,
луна!

— Да ну!
Ты развѣ умѣ-
ешь скучать?

— Охъ, дѣвоч-
ка, еще какъ умѣю-
то...

Задумалась дѣвочка.

— Знаешь что, луна, давай со мной въ
прятки играть. Вотъ намъ обѣимъ и бу-
детъ весело.

— А какъ это? Я не умѣю.

— Ничего, я тебѣ объясню.

Луна оказалась понятливой, живо на-
училась играть въ прятки. И пошла у нихъ

потѣха! Дѣвочка спрячется, а луна ищетъ ее своими лучами. За дерево заглянетъ — нѣту. Въ канавѣ пороется — и тутъ нѣтъ! За кустикъ — вотъ она, плутовка! Вся въ лунный лучъ попалась!

— Ну, теперь очередь за тобой, луна! — кричитъ дѣвочка. — Прячься, я на минутку отвернусь.

Видитъ дѣвочка — потемнѣло. Значитъ, спряталась луна.

— Гдѣ же ты? Вѣрно, за этой большой тучей! Нѣтъ? Ну, такъ за вершиной горы. Опять нѣтъ? Знаю, знаю! Вотъ за этимъ маленькимъ облачкомъ! Не даромъ оно такое хорошенькое. Угадала, угадала! Ну, чего жъ ты только съ краю просвѣчиваешь? Вылѣзай совсѣмъ!

Луна выдвигается понемножку — на четверть, на половину, наконецъ и совсѣмъ выползла.

Снова дѣвочка прячется, а тамъ опять луна.

Въ игрѣ не замѣтила дѣвочка, какъ до дому дошла. Глядь, а ужъ возлѣ окошечко свѣтится, и за окошкомъ виднѣтся мама.

— Луна, а луна! Я до дому дошла. Теперь до свиданья.

Луна начала горевать...

— Ну, вотъ, опять я одна останусь, опять скука одолѣетъ... Ты меня забудешь, въ другой разъ, навѣрно, играть не позволешь.

— Что ты, что ты, миленькая! Да каждый разъ будемъ играть. Непремѣнно! Вотъ погоди, я тебя еще въ пятнашки научу. Я много знаю игръ. Только сегодня поздно, мама забранить.

— Погоди,—говорить луна,—я тебѣ подарочекъ сдѣлаю, чтобъ ты меня помнила. Подставляй передникъ!

Дѣвочка подставила бѣленькій передничекъ, а луна въ него лучъ направила, и по лучу спустилось что-то маленькое, блестящее. Присмотрѣлась дѣвочка, а это свѣтлячокъ — хорошенькій свѣтлячокъ.

— Ахъ, ты, мой голубчикъ! Прелесть моя! Никогда съ тобой не разстанусь. Спасибо, лунушка, добренькая! Да ты что затуманилась? Стой, я тебѣ тоже что-нибудь подарю. Только что? — Порылась дѣвочка въ карманъ. — Вотъ отлично! Нашлась конфетка. На, лови!

Какъ размах-
нется дѣвочка,
какъ бросить
изо всей силы—
даже подпрыг-
нула! Такъ и
влѣпилась кон-
фетка въ самую
луну. Луна ее,
конечно, съѣла
и очень похва-
лила.

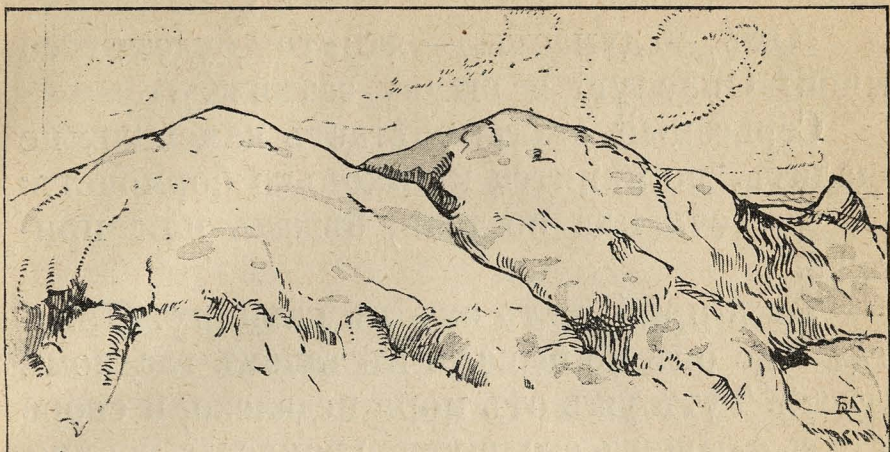
А сладкое пят-
но на лунѣ отъ
конфетки и по-
сейчасъ оста-
лось.

С Н Ъ Ж О К Ъ .

На высокой горѣ лежалъ бѣлый снѣжокъ. Далеко-далеко было видно кругомъ. Всего дальше, на краю земли, виднѣлось море. Очень оно нравилось снѣжку — синее, блестящее, широкое, раздольное. Только о морѣ онъ и думалъ — какъ бы попасть къ нему, какъ бы узнать его. Любовался снѣжокъ, любовался, да и рѣшилъ отправиться въ путь къ своему любимому.

Сползъ онъ пониже — туда, гдѣ снѣгъ кончается, выставился на солнышко, растаялъ и потекъ водицей.

Бѣжить шумно, весело. Съ камня на камень перескакиваетъ, брызжетъ, кувыркается, все покрикиваетъ:

— Къ морю, скорѣй. Къ морю скорѣй!
А то съ высокой скалы водопадомъ прыгнетъ—расшибетъ весь въ брызги... Ничего! Засмѣется бѣлой пѣной и дальше бѣжить—радуется.

Вотъ ужъ родной вершины не видно стало, да и море заслонили какіе-то холмы. Бѣжить нашъ снѣжокъ одинъ, среди чужого. Ужъ ему жутко становится.

«Охъ, — думаетъ, — что-то будетъ со мной? Опасную я штуку затѣялъ».

Серьезный сталъ: обѣгаетъ камешки, не шалить, не пѣнится и тихонько бормочетъ: — Течь или не течь, бѣжать или прилечь.

Такъ прибѣжалъ онъ въ равнину. Никогда еще онъ не бывалъ въ такомъ гладкомъ мѣстѣ. Тутъ ужъ отъ моря недалеко, и скоро сталъ слышенъ его шумъ, громче да громче. Тогда снѣжокъ совсѣмъ испугался.

— Батюшки, да оно сердитое, море-то! Когда бъ я зналъ, никогда бы къ нему не пошелъ.

И рѣшилъ ужъ онъ назадъ вернуться, да съ разбѣгу никакъ не остановится; приходится дальше бѣжать, хоть все тише и тише. А море тутъ, какъ тутъ. Ужъ видно, какъ оно большущими волнами бросается.

Растерялся снѣжокъ-путешественникъ... Бросается во всѣ стороны, цѣпляется за кусты, норовитъ въ песокъ зарыться. Растеклась его водица на множество ручейковъ. Всѣ шуршатъ по песку и подъ пескомъ:

— Страшно, хочу домой! страш-шно...

Да ничего не подѣлаешь. Пришла такая минутка для всѣхъ снѣжныхъ капелекъ—

засверкало, громынуло, подхватило—и очутился снѣжокъ въ морѣ. Со страху чуть не умерь.

И вдругъ... ничего, недурно. Съ волнами качаешься, солнце грѣетъ, ласкаетъ. Даже очень хорошо! Прошло нѣсколько минутъ—и снѣжокъ уже забылъ, какой такой страхъ бываетъ. Слились его капельки съ другими морскими капельками; не знаетъ—гдѣ онъ, гдѣ не онъ; поетъ съ общей пѣсней моря, играетъ въ общей его игрѣ. Радостно.

Шалунишка съ крылышками.

Жиль-быль шалунишка съ крылышками. И повадился онъ къ звѣздочкамъ летать, имъ надоѣдать. Прилетитъ къ одной, — все высмотритъ, наболтаеть, нашалитъ — и къ другой летитъ. Тамъ опять все разнюхаетъ, про разныя звѣздочки насплетничаетъ, хохотъ, возню подыметъ — и дальше. На третьей такую же кутерьму устроить. И на четвертой и на пятой. Всѣмъ звѣздочкамъ мѣшаетъ.

А онъ серьезныя, пустяковъ не любятъ. Разсердятся — того гляди, свѣтитъ перестанутъ.

Поймалъ вѣтеръ шалунишку за крылышки.

— Ты чего это, — говоритъ, — озорничаешь, къ звѣздочкамъ пристаешь? Вотъ погоди, я тебя угомоню — спать уложу.

Взялъ и сунулъ его въ колыбельку. А колыбелька-то была изъ бѣлыхъ голубиныхъ крылышекъ и внутри голубинымъ пухомъ выложена. Она висѣла на длинныхъ бѣлыхъ шнуркахъ, черезъ Млечный Путь перекинутыхъ. Закачалъ ее вѣтеръ, и пошла она кругами по небу. Пришлось-таки заснуть шалунишкѣ. И спалъ онъ сто лѣтъ.

Проснулся, наконецъ. Лежить въ колыбелькѣ—тепленькій, на солнышко щурится. Вспоминаетъ, что такое съ нимъ было. Вспомнилъ. Сѣлъ, ручки протягиваетъ.

— Летать, — говоритъ, — хочу.

А вѣтеръ усмѣхается:

— Ишь ты, летать... Небось, опять напроказничаешь. Куда бы это тебя пустить, чтобъ ты никому не мѣшалъ?

Вынулъ вѣтеръ шалунишку, посадилъ къ себѣ на ладонь, подумалъ:

— Ага, знаю!—говоритъ.—Есть на землѣ такой садъ; тамъ тебѣ рады будутъ. Ну, лети!

Спустилъ его на палецъ, дунулъ—и полетѣлъ шалунишка.

Прилетѣлъ онъ прямехонько въ большой-пребольшой садъ. Много тамъ было цвѣтовъ: красненькихъ, желтенькихъ, ли-

ловенькихъ — всякихъ. Вотъ гдѣ шалунишкѣ-то наступило приволье! Отъ цвѣтка къ цвѣтку летаетъ, со всякимъ по-другому играетъ. Прилетитъ къ розѣ—окунется съ головой въ мягкіе ея лепестки,—купаются въ нихъ, нѣжится, ласкается. Прилетитъ къ тюльпану,—спрячется въ его чашечку:

— Тютю! гдѣ я?

На подсолнечникѣ кувыркается, въ колокольчикѣ позваниваетъ, у ромашки лепесточки считаетъ. И со всякимъ-то цвѣткомъ онъ шутитъ, смѣется, теребитъ его, лохматитъ, да зато веселитъ.

А цвѣточки и рады. Полюбили шалунишку съ крылышками, балуютъ его поятъ сокомъ своимъ вкуснымъ, обсыпаютъ сладко-пахучею пыльцою, качаютъ на зеленыхъ стебелькахъ.

Такъ онъ съ ними въ саду остался навсегда жить.

Каштанъ и ежики.

На выступѣ горы стояло большое кудрявое дерево — каштанъ. Силы у каштана было много, а пустить силу ему не во что: не растутъ на немъ плоды. И стоялъ старый каштанъ темный и грустный.

Поднялся разъ сильный-пресильный вѣтеръ: все сры-вааетъ, крутитъ, несетъ передъ собой. А въ томъ мѣстѣ

много было ежей. Вѣтеръ и ежеиковъ подхватилъ и понесъ, да и брякнулъ о старый каштанъ. Ежики со страху едва живы были. Они ухватились за вѣтки, отпустить не хотятъ: рады, что есть за что держаться. Такъ и заснули, повиснувъ на вѣтвяхъ.

А пока они спали, старый каштанъ взялъ да и пустилъ въ нихъ свою силу, и стали ежики его плодами. Висятъ себѣ на вѣткахъ — и горя мало: такіе же колючіе шарики, какъ прежде, только сжались отъ бездѣлья, поменьше стали. А каштанъ-то радъ, весело головой потряхиваетъ.

Пришла осень. Плоды на каштанѣ созрѣли, а самъ онъ усталъ и раскисъ. Дремлетъ старикъ и роняетъ плоды одинъ за другимъ. Много ихъ, колючихъ, накопилось подъ деревомъ. Какъ-то вѣтеръ опять шалилъ-бушевалъ, — не такой ужъ ураганъ какъ въ тотъ разъ, а все-таки порядочный. Вѣтеръ имъ напомнилъ, что они вѣдь ежики. Встрепенулись ежики, вскочили и побѣжали въ свои норки.

Большая дѣвочка.

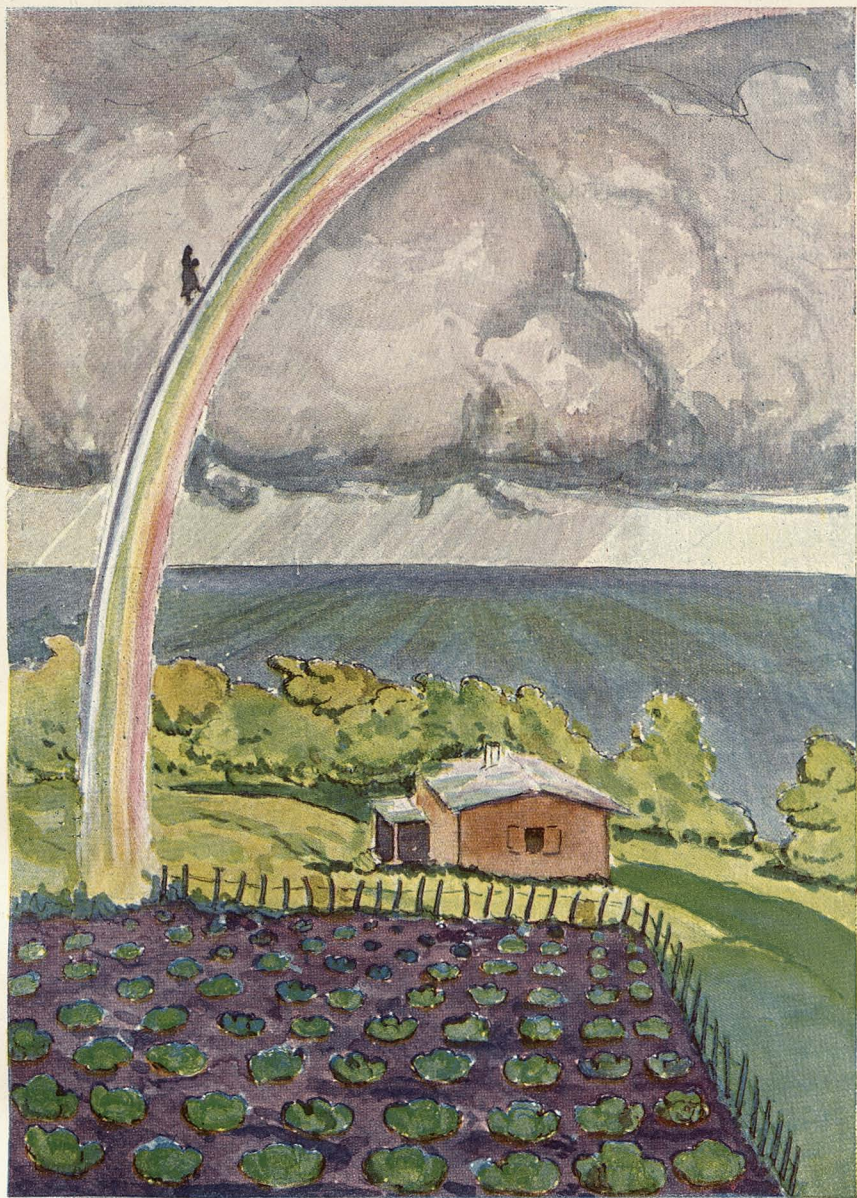
Сидѣла у окна большая дѣвочка и шила. А въ окно стучалъ дождикъ ужъ третій день. Надоѣлъ дѣвочкѣ дождикъ, она ему и говоритъ:

— Какъ тебѣ, дождикъ, не стыдно? Льешь какъ изъ ведра; пора и перестать.

А дождикъ ей выстукиваетъ:

— Тукъ, тукъ, тукъ! То-то вотъ и есть, что льется изъ ведра.

Дѣвочка говоритъ:

— Такъ закрой свое ведро.

А дождикъ:

— Тукъ, тукъ! Ведро-то худое, дно продырявилось.

Посмѣялась дѣвочка надъ дождикомъ, что никто у нихъ тамъ не умѣетъ ведра починить, и рѣшила сама взяться за дѣло.

Схватила она въ охапку свое ватное пестрое одѣяло, накинула платокъ и выбѣжала. Дождь ей подставилъ радугу—мостъ и взобралась дѣвочка наверхъ за большую, черную тучу.

Видитъ—стоитъ старое ведро величиною съ самый большой домъ и хлещетъ оттуда черезъ дыру вода. Дѣвочка принялась за работу: заткнула дыру одѣяломъ, засмолила его смолой, вытерла руки о передникъ и побѣжала внизъ. Думаетъ: «Нѣтъ одѣяла, да зато солнышко засвѣтитъ».

А солнышка-то все нѣтъ. Дождикъ мороситъ мелкими каплями. Дѣвочка забранилась:

— Что же ты, дождикъ! Это нехорошо. Посыпаль теперь, какъ изъ сита.

А онъ ей въ отвѣтъ:

— Тикъ, тикъ, тикъ! Правда что изъ сита. И много еще въ ситѣ воды.

— Ну вотъ, теперь еще съ ситомъ возись!
Да ужъ я не отстану, засыплю твое сито.

Набрала дѣвочка песку въ передникъ,
взобралась опять по радугѣ.

Тамъ за другой, сѣрой тучей большое
сито стоитъ, воду цѣдитъ. Завалила его дѣ-
вочка пескомъ, притоптала ногами и, про-
мокшая, стала спускаться.

А внизу уже солнышко ярко свѣтитъ,
радуга пропадаетъ, нѣтъ ея нижняго конца.
Ничего, дѣвочка не струсила; спрыгнула на
землю — и попала прямо въ хороводъ дѣ-
вушекъ. Дѣвушки ее благодарятъ, ла-
скаютъ и разубаваютъ, чтобы ножки вы-
сохли на солнцѣ.

Голуби.

Э то было очень давно. Тогда еще голуби не умѣли летать. Они сидѣли на башнѣ и скучали.

Но вотъ одинъ разъ къ нимъ слетѣла ласточка и подружилась съ ними. Она ихъ уговаривала:

— Поучитесь летать! Это такъ весело. Веселѣе всего на свѣтѣ! Я буду вашей учительницей. Хорошо?

Голуби согласились и стали учиться. Ласточка усадила

ихъ рядкомъ на самомъ краю и сказала:

— Дѣлайте какъ я!

А сама стрѣлою слетѣла на землю.

Голубьямъ и хотѣлось, и страшно было попробовать. Но одинъ изъ нихъ, глядя на ласточку, такъ нагнулся, что нечаянно упалъ съ башни и мячикомъ полетѣлъ внизъ. Подъ конецъ онъ догадался расправить крылья и тихонько, не ушибившись, опустился на дворъ. Какъ хорошо вышло!

Осмѣлѣли голуби. За первымъ полетѣлъ второй, потомъ третій и всѣ голуби, одинъ за другимъ, бросались внизъ живыми комочками и подъ конецъ плавно распускали крылья. Ласточка ими не нахвалится:

— Ахъ, вы, голуби, мои голубчики! Какіе же вы молодцы! Ну, теперь давайте вверхъ полетимъ.

Но голубчикамъ было ужъ не до полета. Они нашли внизу вкусныя зерна и занялись ими всюю.

Звала ихъ, звала, учительница-ласточка, еле-еле черезъ часъ уговорила полетать. Да и то, что это было за ученье! Голуби все о зернахъ беспокоятся, другъ на друга крыльями хлопаютъ, боятся, что

кто-нибудь изъ нихъ
раньше другихъ спу-
стится, зерна поклюетъ;
суетятся, назадъ торо-
пятся, на ласточку
и глядѣть забыли.

Разсердилась на нихъ
ласточка.

— Богъ съ вами,—го-
ворить.—Очень вы жад-
ные. Полечу-ка я лучше
въ небо. И то, по
солнцу соскучилась.

Ласточка улетѣла, а голуби такъ и не научились хорошо вверхъ подыматься. Остались жить въ полутемномъ дворѣ. Все зерна клюютъ, ссорятся и мирятся. Потолстѣли такъ, что бѣдныя ихъ ножки покраснѣли съ натуги: очень тяжело голубей носить.

А легкія пушинки на голубяхъ совсѣмъ взбунтовались.

— Что же, — говорятъ, — мы, нѣжныя, красивыя, будемъ съ этими обжорами по низамъ скучать! Улетимъ къ солнышку.

И стали пушинки съ голубей срываться, и поплыли по воздуху, маленькія. А какъ попали пушинки въ солнечный лучъ, онъ ихъ посеребрилъ и унесъ въ облачко.

А ты видалъ, какъ голубиныя пушинки летаютъ по воздуху?

Дядя-Сонъ.

Пришелъ вечеръ. Ходить дядя-Сонъ отъ одной кровати къ другой и усыпляетъ ребятишекъ. Тулупъ на немъ сѣренькій, шапка на немъ бѣленькая. Весь онъ хоть большой, а не страшный, ласковый.

Пришелъ дядя-Сонъ въ одну дѣтскую. Тамъ лежали въ кроваткахъ братъ и сестра. Сестра Леночка-Пѣночка раскапризничалась, и дядя-Сонъ долго съ ней возился, пока усыпилъ. А къ братцу Шуркѣ онъ забылъ заглянуть: заспѣшилъ въ другіе дома. Лежитъ Шурикъ, лежитъ, не можетъ заснуть. Стало ему скучно и обидно; не вытерпѣлъ, побѣжалъ догонять дядю-Сна.

А тотъ обошелъ ужъ весь городъ, вышелъ въ поле, къ деревнѣ шагаетъ. Вдругъ кто-то снизу—дергъ его за тулупъ. Оглянулся, нагнулся,—это Шурикъ стоитъ въ

одной рубашечкѣ, съ ноги на ногу переминается и пищитъ:

— Что же ты меня забылъ? Мнѣ безъ тебя не заснуть... Ишь ты какой...

Дядя-Сонъ такъ и ахнулъ.

— Батюшки! Да какъ же это случилось? И куда я тебя дѣну, бѣдняжку? Назадъ-то мнѣ некогда идти...

Подумалъ немножко, потомъ взялъ Шурку и сунулъ въ свой громадный карманъ. Мальчику тамъ понравилось. Лучшей постельки во всемъ свѣтѣ нѣтъ. Онъ въ ту же минуту заснулъ крѣпко-прекрѣпко. Еще бы! Гдѣ же и спать крѣпко, какъ не у самого дяди-Сна!

А дядя такой забывчивый: черезъ полчаса у него ужъ изъ головы выскочило про мальчика въ карманѣ. Такъ и спитъ Шурка—день за днемъ, мѣсяць за мѣсяцемъ.

Наконецъ настала весна. Дядѣ - Сну стало жарко въ тулупѣ. Снялъ онъ его, принялся чистить, да и вытряхнулъ Шурку. Тогда ужъ соня проснулся, зѣвнулъ, сладко потянулся и видитъ—кругомъ молодая травка, подснежники. Ужасно хорошо! Никогда еще онъ такъ пріятно не просыпался.

Зато дядя-Сонъ здóрово испугался, что нечаянно Шурика укралъ. Вотъ набѣдокурилъ, старый! Скорѣй побѣжалъ, отнесъ его въ дѣтскую. А дома ужъ думали, что Шурку забрали въ солдаты. То-то его стали обнимать, тормошить, кормить пряниками.

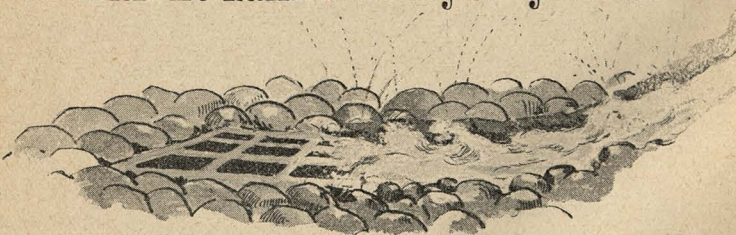
А дядя-Сонъ въ это время незамѣтно ушелъ.

Дождевыя капли.

На крышу падают дождевыя капли—тихія, теплыя капли; кажется, смиренныя такія. Но вотъ онѣ по водосточной трубѣ скатились въ лужу—и тутъ оказывается, что онѣ порядочныя забіяки: толкаются, подпрыгиваютъ, брызжутъ фонтанчиками и фонтанчики дерутся между собой длинными струйками, точно руками. Такъ перепутаются въ дракѣ, — не разберешь, гдѣ какой фонтанчикъ.

Потомъ приходится течь дальше въ канавкѣ по камнямъ. Тутъ уже не-

когда драться. Но капельки текутъ сердитыя, важничаютъ и надуваются пузырями. Только пузыри натыкаются на камни и лопаются. А сверху все спрыгиваютъ новыя капельки—серебряныя бутылочки и весело спрашиваютъ:

— Что такое? Въ чемъ дѣло? Отчего вы злитесь?

Вотъ капельки добѣжали до рѣшетки, которая ведетъ подъ землю. Тутъ поднялась страшная толкотня и воркотня:

— Не мѣшайте, пожалуйста!

— Сами мѣшаете!

— Пустите меня впередъ!

— Невѣжа, неvēжа, неvēжа!

Такъ ссорились дождевыя капельки. Но подъ землей оказалось темно. Онѣ притихли и стали жаться другъ къ другу. Не тутъ-то было! Тамъ полагается каждой капелькѣ въ одиночку пробираться сквозь землю. Это было скучно и страшно. Очень хотѣлось повидаться съ другими!

Можетъ-быть, онѣ потомъ и встрѣтились въ какомъ-нибудь ручейкѣ. То-то цѣловались! Я не знаю навѣрное: дырочки въ рѣшеткѣ были маленькія и мнѣ не удалось пролѣзть за каплями подъ землю.

Желтая осень.

Вздыхаетъ желтая осень и стучится въ окошко.

— Дѣвочка - Напѣвочка, выйди ко мнѣ, утѣшь меня. Одолѣла меня грусть - тоска.

Но Дѣвочка-Напѣвочка немножко трусихка. Она посылаетъ вмѣсто себя Волчка.

— Иди, иди! Развѣ тебѣ не жалко осени? Слышишь, какъ она вздыхаетъ.

Волчку тоже не охота уходить изъ тепла, но онъ привыкъ слушаться и идетъ въ садъ.

Тамъ вѣтеръ шумить, шуршать сухіе листья и капаетъ, все капаетъ мелкій дождикъ. Волчку становится такъ скучно, что онъ принимается выть. А желтая осень сердится:

— Хорошъ утѣшитель, нечего сказать! Выть-то я и сама умѣю. На то у меня есть вѣтеръ. Уходи, пожалуйста, мнѣ такихъ не нужно.

Волчокъ плетется назадъ въ комнату.

И опять вздыхаетъ желтая осень, опять стучить въ окошко и зоветъ Дѣвочку-Напѣвочку.

Нечего дѣлать, отказываться стыдно, приходится идти. Пошла дѣвочка въ садъ. А тамъ вѣтеръ шумить, шуршатъ сухіе листья и капаетъ, все капаетъ мелкій дождикъ. И стало Дѣвочкѣ-Напѣвочкѣ такъ скучно, что она заплакала. А желтая осень сердится:

— Ну, и ты такая же! Слезь у меня самой довольно; видишь, дождику конца нѣтъ. Уходи, уходи, съ тобой хуже затоскуешь...

Опять пусто въ саду. Вздыхаетъ желтая осень и жалуется:

— Некому мнѣ помочь.

Но тутъ выглянуло ясное солнышко изъ-за тучи и сразу утѣшило осень. Замолчалъ вѣтеръ. Успокоились, зазолотились сухіе листья. Дождикъ прошелъ, и капли его повисли на деревьяхъ, какъ блестящія бусинки.

Напѣвочкѣ и Волчку захотѣлось въ садъ. Идутъ по дорожкѣ, и весело имъ. Не такъ, какъ лѣтомъ: бѣгать и прыгать не хочется, но дѣвочка тихонько поетъ пѣсенки, а Волчокъ помахиваетъ хвостомъ.

Золотые зайчики и сѣренькій зайныка.

С тояль старый дремучій лѣсъ. Быль онъ всегда угрюмый, хмурый. Но вотъ весной стало солнышко посылать ему свои лучи, и отъ этихъ лучей заиграли на листьяхъ и на травѣ золотые зайчики. Очень полюбилъ ихъ старый лѣсъ. Глядитъ-улыбается, не нарадуется, какъ зайчики мелькають, свѣтятся.

Только прошла весна, а потомъ и лѣто къ концу подходитъ стало. Рѣже заглядываютъ зайчики въ старый лѣсъ. Другой разъ пройдетъ три дня, а солнышко ихъ ни разу гулять не отпустить.

Пригорюнился старый лѣсъ, заплакалъ—частымъ дождикомъ закапалъ. Выскочилъ изъ норки сѣренькій зайныка.

— Что ты, старый, плачешь, меня, сѣраго, мочишь?

— Да какъ же мнѣ, сѣрый, не плакать: полюбилъ я золотыхъ зайчиковъ, а солнце ихъ у меня отнимаетъ.

Задумался зайныка, почесалъ за ушкомъ, а потомъ и говорить:

— Вотъ ты что, старый, сдѣлай: какъ придутъ золотые зайчики, ты покрой свои листья мелкимъ дождикомъ, они станутъ клейкими; зайчики къ нимъ и прилипнутъ.

— Ладно,—говорить лѣсъ,—попробую.

Такъ онъ и сдѣлалъ. Пришли утромъ золотые зайчики, а онъ смочилъ листья,—они къ листьямъ и приклеились.

Стали листья красивые — золотистые, иные отъ радости зарумянились, у другихъ еще прежнее зеленое слегка сквозить.

А лѣсъ-то старый ими тѣшится. Хоть не идутъ къ нему золотые зайчики, ничего: онъ любитъся листочками своими золочеными, шелеститъ ими, потряхиваетъ: совсѣмъ на золотыхъ зайчиковъ похоже. А заглянуть они къ нему ненадолго, онъ уже непременно нѣсколькихъ поймаетъ; запасу своего прибавитъ.

Только стало что-то солнышко на лѣсъ коситься; должно-быть, замѣчаетъ, что онъ зайчиковъ его таскаетъ. Испугался лѣсъ,

заплакалъ—частымъ дождикомъ закапалъ. Выскочилъ изъ норки сѣренькій зайныкъ.

— Что ты, старый, плачешь, меня, сѣраго, мочишь?

— Да какъ же мнѣ, заяцъ, не плакать: сдѣлалъ я по-твоему, а солнце на меня за зайчиковъ золотыхъ разсердилось. Того гляди, задасть.

Присѣлъ сѣрый на заднія лапки, почесалъ за обоими ушками, подумалъ, а потомъ и говорить:

— Ты вотъ что, старый, сдѣлай: сорви ты свои золоченые листья и укрой ихъ внизу подъ деревьями.

— Что жъ, — отвѣчалъ лѣсъ, — это не глупо, спасибо за совѣтъ.

И принялся онъ срывать листочки, на которыхъ зайчики прилѣплены, и внизъ бросать. Тамъ онъ съ ними играетъ—крутитъ ихъ, пересыпаетъ, безъ конца любитъся.

Много онъ себѣ такихъ золоченыхъ игрушекъ понадѣлалъ и внизъ побросалъ. До того дошло, что на вѣткахъ и вовсе листьевъ не осталось. Сдѣлался весь лѣсъ сквозной и солнышко своими лучами то и дѣло по низу пошариваетъ, пропавшихъ зайчиковъ, видно, ищетъ.

Совсѣмъ тутъ старый лѣсъ всполошился, заплакалъ—частымъ дождикомъ закапалъ. Выскочилъ изъ норки сѣренькій зайнышка.

— Что ты, старый, плачешь, меня, сѣраго, мочишь?

— Какъ же мнѣ, заяцъ, не плакать: вѣдь ты меня въ бѣду ввелъ: оголилъ я вѣтки-то, а солнце до листиковъ золоченыхъ и добралось.

Присѣлъ сѣрый на заднія лапки, поводитъ своими усами, подумалъ, а потомъ и говорить:

— Ты вотъ что, старый, сдѣлай: посыпь-ка свои игрушечки бѣлымъ снѣжкомъ. Онъ ихъ прикроетъ, солнышку-то ихъ и не сыскать.

— Будь по-твоему,—говорить лѣсъ,—видно, приходится мнѣ тебя слушаться.

Укуталъ онъ свои золотые листики снѣжнымъ одѣяльцемъ, стоитъ, посмѣивается въ бороду.

— А что у меня есть, что у меня есть... Анъ, не найдешь, не найдешь...

Долго онъ такъ стоялъ, величался.

Наконецъ надоѣло. Захотѣлось снова на листочки съ зайчиками самому поглядѣть. Потрясъ одѣяльце, сдернулъ его, глядитъ...

Нѣтъ зайчиковъ золотыхъ! Скрылись съ листь-
евъ, ускользнули куда-то. Можетъ-быть, въ
снѣгъ перешли; то-то онъ былъ такой веселый,
блестящій! А листики-то, листики бѣдные!
Какіе бурые стали, сморщенные, нехорошіе...

Какъ увидѣлъ это лѣсъ, какъ узналъ свою
потерю—то-то завылъ, заметался, горькими
слезами залился—проливнымъ дождемъ.

Выскочилъ изъ норки сѣренькій зайныка.

— Что ты, старый, такъ плачешь, меня,
сѣраго, мочишь? Житья нѣтъ!

— Какъ же мнѣ, заяцъ, не плакать: ты
вотъ научилъ меня листики укрыть, а зай-
чики съ нихъ и сбѣжали.

Присѣлъ сѣрый на заднія лапки, подер-
галъ ушками, подумалъ, да и говорить:

— Нечего тебѣ, старый, плакать. По-
смотри: вѣдь весна наступила. Теперь ста-
нутъ къ тебѣ снова приходитъ настоящіе
золотые зайчики. Цѣлыми днями будутъ
тутъ плясать, тебя радовать. Время ли объ-
игрушкахъ сокрушаться!

— А вѣдь, пожалуй, что и такъ,—про-
бормоталъ старый лѣсъ.

Сѣрый зайныка усмѣхнулся и въ норку
пошелъ. А лѣсъ сталъ дожидаться новыхъ
золотыхъ зайчиковъ.

Волчокъ.

Игралъ въ саду мальчонка голубая рубашонка. Поднялъ головку; глядь, журавли летятъ. Какъ завизжитъ мальчонка:

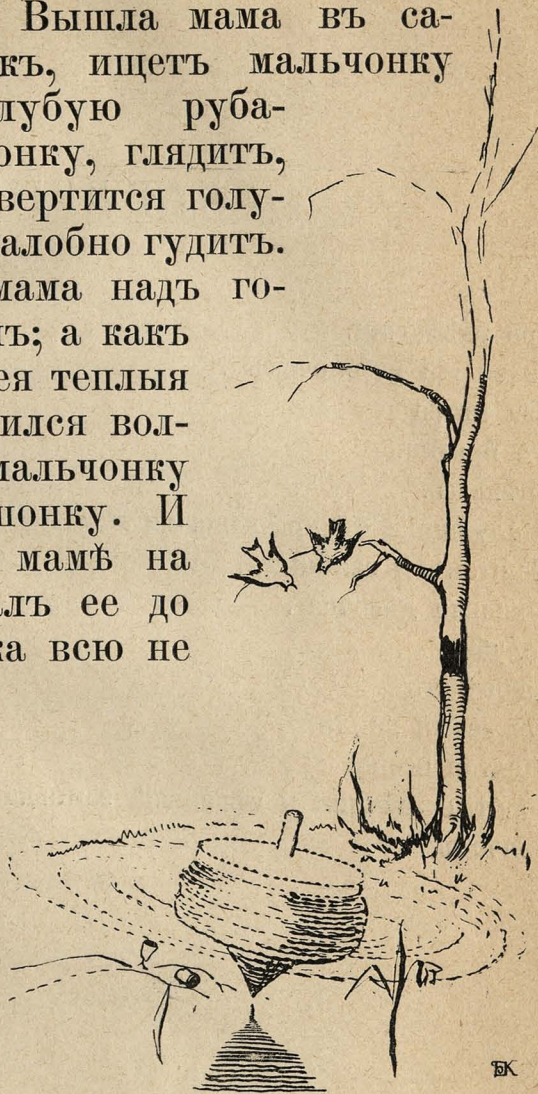
— Ура, ура! Журавли летятъ! Весна пришла.

Отъ радости за-вертѣлся на одной ножкѣ. Долго вертѣлся, да и обратился въ волчка.

Вышла мама въ садикъ, ищетъ мальчонку голубую рубашонку, глядитъ, а вмѣсто него вертится голубой волчокъ и жалобно гудитъ.

Заплакала мама надъ голубымъ волчкомъ; а какъ упали на него ея теплыя слезы, то обратился волчокъ опять въ мальчонку голубую рубашонку. И прыгнулъ онъ мамѣ на руки и цѣловалъ ее до тѣхъ поръ, пока всю не растрепалъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Три звѣздочки	5
Голеный ребеночекъ	8
Два вѣтра	12
Въ прятки	17
Снѣжокъ	22
Шалунишка съ крылышками	26
Каштанъ и ежики	30
Большая дѣвочка	32
Голуби	35
Дядя-Сонъ	39
Дождевыя капли	42
Желтая осень	44
Золотыя зайчики и сѣренькій зайынка	47
Волчокъ	52

Новыя изданія Т-ва И. Д. Сытина,

Книги для младшаго возраста.

Сергѣй Городецкій.

АУ. Стихи для дѣтей. Рис. *А. Комарова.* Ц. 15 к.

МИКА-ЛЕТУНОКЪ. Сказка. Рис. *В. Курдюмова.*
Ц. 15 к.

**ЦАРЕВНА - СЛАСТЕНА. НЕУЛЫБИНЫ СТА-
РИКАШКИ.** Сказки. Рис. *А. Комарова.* Ц. 15 к.

ЧУРБАНЪ-ӨЕДЬКА. Два разсказа.
Рис. *Э. Спорюса.* Ц. 15 к.

Гр. де-Сегюръ.

УРСОНЪ и ВЮЛЕТТА. Сказка. Переводъ съ
франц. *Ек. Урсыновичъ* Ц. 30 к.

Л. Армандъ.

МАЛЕНЬКІЯ СКАЗОЧКИ. Рис. *Б. Каменскаго.*
Цѣна въ папкѣ 35 к.

М. Толмачева.

КАКЪ ЖИЛА ТАСЯ. Повѣсть.
Рис. *В. Курдюмова.*

Книги для средняго возраста.

Александръ Блокъ.

КРУГЛЫЙ ГОДЪ. Стихи для дѣтей. Рис. *Г. Алексѣва*. Ц. 15 к.

СКАЗКИ. Стихи для дѣтей. Рис. *Г. Алексѣва*. Ц. 15 к.

Л. Авилова.

ПЕРВОЕ ГОРЕ и другіе рассказы. Рис. *Г. Алексѣва*. Ц. 40 к.

ХРИСТОСЪ РОЖДАЕТСЯ и друг. рассказы. Рис. *Г. Алексѣва*. Ц. 40 к.

Евг. Барановъ.

ТЕМБОТЬ, ДЖИГИТЬ БЛАГОРОДНЫЙ. Кабардинская сказка. Рис. *В. Комарова*. Ц. 15 к.

Лабулэ.

ЗАМОКЪ ЖИЗНИ. Сказка. Перев. съ франц. *В. Книжниковой*. Рис. *Н. Пискарева*. Ц. 15 к.

Максъ Нордау.

ДѢДУШКИНЫ СКАЗКИ. Въ переводѣ *Л. П. Никифорова*. Рис. *А. Комарова* и *Н. Пискарева*. Отдѣльными выпусками. Ц. кажд. выпуска 15 к.

Художникъ-Творецъ.—**Таинственное королевство.**—**Сердечная нить.**—**О богатой и бѣдной собакѣ.**—**Ручной левъ.**

Карль Эвальдъ.

СКАЗКИ ПРИРОДЫ. Въ переводѣ *В. и Б.* Рис. *А. Комарова*. Отдѣльными выпусками. Ц. кажд. вып. 15 к.

Аистъ и дождевой червякъ.—**Кораллы.**—**Земля и комета.**—**Воробей.**—**Головастики.**—**Двѣнадцать сестеръ** (майскіе жуки).—**Въ глубинѣ морской.**—**Четыре добрыхъ друга.**

*Цѣна 25 коп.,
въ пакѣтъ 35 коп.*

2014029056